
Институционально предписанные формы девиантного поведения как часть социального статуса военнослужащего

А.М. Панченко

Рассмотрены особенности взаимодействия социальных норм и девиаций в военизированных организациях. Показана значимость конфликта между личностным и корпоративно-дисциплинарным началами в военизированной организации, между жесткостью официально предписанных норм и потребностями повседневной жизни. Раскрыта роль институциональных девиаций как средства разрешения этого конфликта, как способа обхода нормативных требований военной службы, поощряемого на неформальном уровне. Приведены примеры социальных практик военнослужащих, реализующих различные модели девиантного поведения (уклонения от службы, самовольных отлучек, организации выпивок и др.). Показано значение институциональных девиаций в процессе вторичной социализации в военной среде.

Ключевые слова: социальный статус военнослужащего, военизированная организация, военное сообщество, вторичная социализация, уклонение от служебных обязанностей, обход нормативных требований, адаптивное поведение, тезаурус военизированной организации, воинские ритуалы.

Социальный статус члена воинского коллектива (участника военизированной организации) содержит потенциальные ролевые конфликты, определяемые прежде всего противоречием между повседневными жизненными потребностями и жесткими нормами, порождаемыми институциональной средой таких организаций.

Нормативы поведения, принятые в военной среде, требуют от человека безусловного подчинения, не позволяя ему выстраивать жизнь в соответствии с привычными поведенческими моделями. Социальные практики, освоенные личностью в процессе первичной социализации и характерные для гражданского общества, здесь неуместны. Этот конфликт может иметь два вектора разрешения. Первый предполагает полное подчинение нормам военной среды. Такое «идеальное» поведение является отражением социализационной нормы и как любой эталон может быть реализовано на практике лишь фрагментарно. Оно вовсе не предписывается неформальными правилами военизированной организации; более того, как будет показано далее, полное воспроизводство армейских норм и ценностей воспринимается военным сообществом как девиация.

Второй путь разрешения конфликта между личностным и корпоративным началами в военизированной организации – следовать указанным выше неформальным нормам. Эти нормы веками складывались в армейском сообществе; они играют роль ключевых регуляторов взаимодействий между военнослужащими, позволяют разрешать самые разнообразные конфликты и составляют существенную часть армейской субкультуры в целом.

Таким образом, исходная противоречивость социальных норм деятельности в условиях военизированной организации превращает девиацию в элемент вторичной социализации ее участников.

Институциональные формы девиации, распространенные в военной среде, связаны прежде всего с возможностью обхода официально предписанных норм, которые препятствуют удовлетворению многих повседневных потребностей. Механизмы удовлетворения таких потребностей в военизированной организации либо вообще отсутствуют, либо, хотя и сформулированы, не являются привычными для ее участников, либо формально предлагаемые способы удовлетворения не приводят к желаемому результату. В этом случае девиантное поведение выступает в качестве компромисса между институциональными нормами деятельности и потребностями личности.

Уклонение от служебных обязанностей чаще всего выражается в неисполнении приказов путем бездействия или имитации деятельности. Эта практика широко применяется на всех уровнях армейской иерархии и составляет своеобразный противовес характерному для военной среды избыточному контролю. Уклонение имеет целью высвободить время для другой (в том числе формально преследуемой) деятельности и расценивается обществом (сообществом, корпорацией) как допустимая форма поведения. Существуют стандартные приемы, разработанные для многих типичных ситуаций нарушения формальных правил и норм [4, с. 105].

Среди социальных практик подобного рода можно выделить несколько типов, составляющих палитру институционально предписанных способов уклонения от нормы в условиях военизированной организации.

Первый тип – имитация деятельности. В данном случае военнослужащие своими действиями создают лишь желаемое впечатление у системы социального контроля, что поставленные задачи выполняются. Возникает своего рода фальсификация необходимых с институциональной точки зрения социальных практик.

Второй тип уклонений связан с применением практик, снижающих уровень контроля в отношении члена военного сообщества, в том числе с использованием социального статуса, предполагающего иной образ жизни в военизированной организации. Чаще всего это статус больного. Такая девиация особенно распространена среди молодежи, у которой в данном случае вступает в действие адаптационный механизм «естественной лживости» [2, с. 156]. Этот механизм основан на естественном неравенстве в отношениях между поколениями при формальном равенстве, закреплённом нормативно. Искажение информации происходит сознательно (или, по крайней мере, в соответствии с установкой) и имеет целью защитить зону собственной независимости от значимых взрослых самым экономным (с точки зрения напряженности в отношениях) способом. Такая лживость субъективно оправдывается на ценностном уровне и воспроизводится даже при регулярных разоблачениях и последующих наказаниях за ложь.

Следует отметить, что при использовании данного защитного механизма в военной среде не возникает ничего нового по сравнению с тем, что наблюдается за ее пределами. Вместе с тем в военизированной организации источником потенциальных санкций в данном случае может выступать не только система социального контроля, но и армейское сообщество в целом, в том числе ближайшее социальное окружение индивида.

Распространенность описанных типов уклонений требует от системы контроля военизированной организации институциональных действий, направленных на их предотвращение. Иногда она так усердствует, что начинает ошибочно реагировать и на нормативную деятельность индивидов, усматривая в ней различные девиации.

Тотальность системы социального контроля в армии, ее косность, невозможность ее приспособления к меняющимся социальным условиям и нетипичным ситуациям не дают возможность участникам военизированных организаций удовлетворять свои потребности институционально предписанным путем; это также порождает различные формы девиации, направленные на уклонение от институциональных требований. В конечном счете, однако, в процессе вторичной социализации они осваивают общепринятый набор девиантных практик и адаптируются к условиям военной среды.

Такое специфическое взаимодействие нормы и не нормы поддерживает устойчивость и эффективность военизированной организации. Ее участники, с одной стороны, осваивают модели нормативного поведения, с другой – привыкают проявлять креативность в выполнении сложных, нестандартных задач в условиях крайне ограниченных ресурсов. Это снимает социальное напряжение в военной среде и тормозит проявление активных форм социального протеста.

Третий тип институциональных уклонений связан с фиксацией девиаций в различных институциональных формах, чаще всего в объяснительных записках. По материалам специального исследования¹ [1] можно проследить, как в процессе вторичной социализации объяснительная из формы социального контроля превращается в способ обхода институционально предписанных социальных норм военной среды. Новички, находящиеся в начале процесса социализации, фиксируют в объяснительных свои действия прямолинейно, без какой-либо их деконструкции с целью извлечения собственной выгоды. Наивный расчет на то, что честная объяснительная избавит их от наказания, свидетельствует лишь об их недостаточной адаптированности к условиям военного сообщества. Об этом говорят следующие ошибки, допускаемые при оценке новой для них ситуации:

¹ В рамках исследования, проводимого в двух военных вузах (РФМИ МВД России и РИПиЭ МЮ России), был осуществлен контент-анализ 475 объяснительных записок курсантов по поводу нарушения ими дисциплины. Эти данные были дополнены материалами интервью, взятыми у 15 сотрудников и 15 курсантов данных вузов. Результаты опубликованы в [3].

1. *Слабая ориентация в статусной иерархии, принятой в военизированных организациях.* Для системы социального контроля такое непонимание уже само по себе, вне зависимости от ситуации, в которой оно проявляется, будет девиантным.

2. *Определенность в признании вины.* Такая политика самопризнания в объяснительных характерна лишь для новичков, находящихся в начале вторичной социализации. Для всех остальных данная практика не является ни типичной, ни институционально предписанной.

3. *Определенность в непризнании вины.* Такая тактика также не имеет перспективы, поскольку выглядит как открытый протест против возможного наказания. Для военизированных организаций в подавляющем большинстве случаев такое поведение будет неадаптивным.

4. *Оправдание нарушения.* В сущности, это первая неуклюжая попытка осуществить деконструкцию события, которое определяется системой социального контроля как девиантное. Вместе с тем недостаток жизненного опыта, дезориентация личности в социальной реальности военной среды превращают и это оправдание в индикатор девиантного поведения.

По мере освоения тезауруса военизированной организации ее участник начинает направлять свои действия в более адаптивное русло. В соответствующих объяснительных вместо простой фиксации девиантного поведения происходит конструирование иного социального события, соответствующего институциональным нормам военной среды. В большинстве случаев такое конструирование осуществляется по типовым моделям, которые были освоены в процессе вторичной социализации. Но встречается и иной подход – конструирование институционально одобряемого события в условиях малой группы. Делается это с целью обхода социальных правил военной среды, зачастую с использованием знаний формальных норм поведения.

Четвертый тип институциональных отклонений – самовольная отлучка, т.е. нелегальный уход участника военизированной организации за пределы соответствующей территории (лагеря, здания, гарнизона, части и т.п.). Главная особенность таких территорий – их закрытость для остального мира; посторонние могут попасть туда лишь при наличии у них каких-либо особых полномочий и разрешений.

Это еще один способ обхода институционально предписанных норм. Как и все представленные выше, он имеет компенсаторный характер; в «самоволке» участники военизированных организаций могут реализовать потребности, которые невозможно удовлетворить в воинской части.

Самовольная отлучка носит двоякий характер. С одной стороны, она пресекается как девиация; тем самым военизированная организация публично демонстрирует свои возможности по тотальному контролю над личностью. С другой стороны, самоволка – обязательный элемент жизни военного человека, часть его ценностно-нормативной системы. В процессе вторичной социализации члены воинского сообщества осваивают уже апробированные

способы самовольных отлучек, а затем, накопив необходимый жизненный опыт, конструируют новые их варианты. Такая практика передается из поколения в поколение: новичков обучают те, кто уже имеет соответствующие навыки, выступая в качестве агентов вторичной социализации.

В большинстве случаев самовольная отлучка строится по модели социального проекта, как правило, в составе целой группы. Такое групповое проектирование позволяет членам военизированной организации с большей уверенностью обходить все имеющиеся запреты. Нередко оно наблюдается даже тогда, когда в самоволку уходит лишь один человек. В этом случае главная роль остальных членов группы – обеспечить прикрытие нарушителю, продемонстрировать при необходимости видимость абсолютного порядка. Вариативность и нестандартность действий позволяет группе игнорировать требования контрольной системы военизированной организации.

У новичков модели самовольных отлучек достаточно примитивны, что в большинстве случаев приводит к их краху. Однако такие действия можно рассматривать в качестве первых шагов, направленных на освоение норм поведения, принятых в военной среде. Опыт организации самовольных отлучек, таким образом, формируется постепенно. При этом усваивается важное правило: девиация не должна быть демонстративной; нарушение нормы допускается, а негласно – даже поощряется, если оно осуществляется незаметно для начальства (лиц с более высоким статусом) и с неформального согласия сослуживцев (лиц того же статуса).

Нередко при организации самовольных отлучек используются опыт и знания, полученные при обучении военной специальности. В одних случаях она выстраивается по модели разведки, в других – как пример оперативной разработки. Для определенных категорий участников военизированных организаций (например, для курсантов военных училищ) самоволка, таким образом, выступает в качестве первого опыта решения нестандартной задачи в условиях военного порядка; в дальнейшем это им может пригодиться в профессиональной деятельности. Возникает своего рода нормативное пространство, где новички могут оттачивать свои знания и навыки.

Парадоксальным образом самовольная отлучка становится частью подготовки к социальной роли военного, что в свою очередь отражается на реакции контрольной системы: жестко реагируя на девиации такого рода и пресекая их, командиры в то же время относятся к ним достаточно терпимо. В тегаурусах большинства из них присутствуют давно освоенные практики, связанные с самовольными отлучками. Более того, военная субкультура требует от всех ее участников владения такими практиками; если член военного сообщества не имеет подобного опыта, возникают сомнения в его профессиональной состоятельности, в его адекватности социальному статусу и роли военного.

Следующая форма институциональных девиаций, широко представленная в военизированных организациях, связана с употреблением спиртных на-

питков. Собственно говоря, это целая группа нарушений: безусловно, отклонением является пьянство (систематическое злоупотребление алкоголем), но и выпивки в рабочее время и на рабочем месте – тоже нарушение нормы. Это особенно важно для военизированных организаций, где характер задач (обеспечение безопасности, готовность к быстрому реагированию на смену ситуации), специфика режима деятельности (дежурства, ночные вахты, территориальные ограничения), особенности быта (казарма, необустроенное жилье) создают ситуацию повышенного риска, не говоря уже о том, что в большинстве случаев военизированные организации состоят из мужчин, по роду своей деятельности готовых к немедленному применению силы и вооруженных.

В культуре российского общества употребление спиртных напитков является значимой социальной практикой, получившей массовое распространение. Особенно она укоренилась в мужском сообществе, где выпивка не только не считается девиацией, но даже поощряется. Эта общая культурная установка повсеместно действует и в организациях, особенно в тех, где среди персонала преобладают мужчины. Естественно, она не могла не утвердиться и в военном сообществе, где давно сформировались культурные стереотипы, согласно которым умение много пить считается показателем профессиональной пригодности человека. Следует также учитывать, что способы проведения досуга, принятые в гражданском обществе, не вписываются в параметры существования военизированной организации; для этого здесь нет необходимых ресурсов и возможностей. Условия, в которых участники военизированных организаций вынуждены конструировать свой досуг, делают наиболее доступным способом релаксации употребление спиртных напитков.

Опасность пьянства для всей институциональной системы военизированной организации вынуждает наказывать не только непосредственных участников выпивки, но и тех, кто был к ней причастен косвенно. В таких условиях употребление спиртных напитков начинает строиться по типовым моделям, подобным тем, которые используются для самовольных отлучек. Применение адекватных военной среде методов позволяет организовать выпивку без последующего наказания. Новички же пытаются действовать в соответствии с опытом, полученным в условиях гражданской жизни, превращая употребление спиртных напитков в публичное и массовое событие, что неизбежно ведет к репрессиям.

Институционализация пьянства в военизированных организациях в не-малой мере связана с воинскими ритуалами: принятием присяги, вхождением в коллектив и особенно – с присвоением очередного звания. Ритуал «обмывания» погон знаменует собой приобретение сотрудником нового социального статуса в военном сообществе. Его детали нигде не зафиксированы документально, но фактически он является обязательным; все его элементы регламентированы, каждая мелочь продумана. Именно данный ритуал удостоверяет повышение в глазах сослуживцев; если бы военный служащий не захотел

его проходить, он оказался бы в изоляции. И в личностном плане это средство закрепления своей идентичности необходимо, особенно на этапе становления тезауруса военного человека.

Основные моменты ритуала «обмывания» сходны во всех воинских организациях. Стол накрыт весьма небрежно; этому обстоятельству вообще не придается особого значения, поскольку продукты играют роль не еды, а закуски. В военном сообществе принято накрывать стол по-походному: так вкуснее, так привычнее. Водка – важнейший ритуальный атрибут. Не принято использовать шампанское или сухое вино, коньяк или виски. Ритуал подчеркивает статусные различия участников. Все собравшиеся рассаживаются за столом в зависимости от своего положения в локальном военном сообществе. Наиболее авторитетные лица садятся рядом с получившим очередное звание. Следует отметить, что такая выпивка не является средством релаксации после службы; это значимое сакральное событие, и отношение к нему самое серьезное.

Вместе с тем в различных сегментах военного сообщества имеется определенная специфика в организации данного ритуала. Например, для курсантов характерна некоторая нечеткость деталей: обмывание первого звания осуществляется по схеме «кто что об этом знает». Здесь нет выверенной, устоявшейся модели; что-то конструируется, что-то вспоминается по ходу действия. Ритуал, таким образом, является скорее спонтанным, чем жестко регламентированным. В известной мере это отражает маргинальный статус курсантов в военной среде. Получение очередного звания, несмотря на офицерские погоны, существенно не меняет их социальный статус. Они по-прежнему остаются курсантами, а значит, и ритуал обмывания нового звания теряет сакральный смысл. Он оказывается значимым лишь в плане приобретения опыта ритуального закрепления изменений в иерархии, пополнения тезауруса военнослужащего рядом важных смысловых единиц².

Наиболее существенным элементом армейской субкультуры, где ключевую роль играет употребление спиртных напитков, является ритуал вхождения («вливания») в коллектив, более или менее идентичный в большинстве организаций. Это одна из процедур, благодаря которым «человек усваивает новые роли, а окружающие изменяют свое отношение к нему» [5, с. 373]. С ритуалом подобного рода член военизированной организации обычно сталкивается в начале службы. Данная форма социальной практики имеет важное адаптивное значение: с одной стороны, в результате «вливания» новичок признается в качестве «своего» в группе, с другой – приучается принимать характерные для данного коллектива нормы и ценности, в том числе и типичные для него ритуалы.

Рассмотренные примеры со всей очевидностью показывают, что институционально предписанные формы девиантного поведения являются не случайными отклонениями, а частью социального статуса участника военного

² О том, как происходят обряд посвящения в реальных условиях милицейской службы, см. в [1].

сообщества. Требования, предъявляемые к ним в военизированной организации, включают необходимость воспроизводства этих девиаций в определенных условиях. Вместе с тем это создает для участника военного сообщества возможность проявлять определенную самостоятельность и даже независимость по отношению к формальным нормам военной среды.

Организационная гибкость институциональных девиаций позволяет, на фоне общей косности военных структур, удовлетворять, в основном на неформальном уровне, жизненно важные потребности членов военизированных организаций. Это повышает их привлекательность в глазах потенциальных участников, а также способствует лучшей адаптации военизированных организаций к постоянно меняющимся условиям гражданского общества. Кроме того, они являются одним из ключевых факторов их организационной стабильности и устойчивости. Безусловно, они могут выполнять эту роль, пока уровень их распространенности не становится чрезмерным; в противном случае под угрозой может оказаться сам институциональный порядок военного сообщества, возникнет перспектива полного хаоса и социальной аномии.

Хотя сами девиации не являются социальной нормой, их освоение участниками военизированных организаций является показателем их успешной социализации в военной среде. Это позволяет им быть более адаптивными в отношении принятых в этой среде норм, а также лучше соответствовать ролевым ожиданиям от военного человека в гражданском обществе. Фактически институциональные девиации закладывают в ориентационный комплекс личности возможность его деконструкции при резком изменении внешних условий. Тезаурус такого рода избавляет участников военизированных организаций в случае смены профессии от фундаментальной личностной перестройки.

Литература

1. *Агранат Д.Л., Луков В.А.* Молодые милиционеры: проблема адаптации к новой социальной роли. – М., 2002.
2. *Ковалева А.И., Луков В.А.* Социология молодежи: Теоретические вопросы. – М., 1999.
3. *Луков В.А., Агранат Д.Л.* Курсанты: Плац. Быт. Секс. Социологическое и социально-психологическое исследование. – М.: Флинта; Наука, 2005.
4. *Луков В.А., Забара А.Л., Волков Е.П.* Поведение военнослужащего: норма и отклонение. Социологическое исследование пограничных явлений. – М.: Социум, 1999.
5. *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ. – М.: Феникс, 1994.